

<http://altaiinter.info/project/culture/Cronology/Eurasia/Gryphon/grifon01.htm>

Митько О. А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / Ред. и сост. О. А. Митько.- Новосибирск, 1999.- С. 7-10.

Митько О. А.

ОБРАЗ ГРИФОНА В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНЕТЮРКСКУЮ ЭПОХУ.

Древнетюркская эпоха - особый многовековой период в истории Евразии, связанный, в первую очередь, с этногенезом и культурогенезом многочисленных народов "степного пояса". Эти чрезвычайно динамичные процессы привели к созданию единого языка, материальной культуры, мифологии и искусства. Преобладающее значение в искусстве этого времени получил "изобразительный фольклор", в котором, по мнению специалистов, были соединены остатки мифологии и преображенный эпос, культ предков и анимизм, космогония и философские учения эпохи. [Ремпель, 1978, с. 28].

К концу I тыс. н. э. в рамках "изобразительного фольклора" сформировалось художественное направление - "орнаментализм нового степного стиля", характерной особенностью которого стало сочетание растительного орнамента с изображениями животных и птиц [Федоров-Давыдов, 1976, с. 61-62]. Несмотря на огромное влияние со стороны искусства средневекового Ирана и Китая, в котором растительные мотивы и зооморфные сюжеты были чрезвычайно широко распространены, искусство кочевников опиралось на местную, чрезвычайно мощную художественную традицию, существовавшую в "степном поясе" Евразии на протяжении столетий. Многочисленные средневековые изображения животных и птиц содержат "пережиточные" черты "звериного стиля" скифской эпохи. Причем в тюркское время получили развитие практически все "канонические" образы предшествующего времени, включая и такое фантастическое животное, как грифон. Летом 1925 г. Г. И. Боровка проводил археологическое обследование среднего течения реки Тола в Монголии. В местности Наинтэ-Сумэ им было раскопано три кургана, один из которых содержал разграбленное погребение, совершенное по обряду трупоположения с конем. Сохранились лишь кости ног животного и две "трубчатые кости ноги человека". В юго-восточном углу могильной ямы была обнаружена раздавленная керамическая ваза, деревянная палочка с железным стержнем на конце и остатки кожи с материей. Рядом с ними находился изготовленный из низкопробного серебра позеленевший фрагментарный шестиугольный венчик и предмет, названный автором раскопок "крючком" в виде головы зверя, "посаженной на круглое основание". Его назначение осталось не выясненным. Черты животного, как подчеркнул Г. И. Боровка, типичны "для скифо-сибирского стиля" и в тоже время "напоминают стиль эпохи Хань". [Боровка, 1927, с. 64-65, табл. II, рис. 3, 4]. Лепная, орнаментированная елочным орнаментом ваза позволила автору раскопок связать данное погребение со средневековыми памятниками с территории Среднего Енисея. В последующие годы к материалам из Наинтэ-Сумэ неоднократно обращались различные исследователи, однако находки серебряных изделий не анализировались.

В 1989 г. при раскопках разграбленного древнетюркского кургана № 34 могильника Маркелов Мыс II был обнаружен предмет, аналогичный тому, что найден в Монголии (рис. 1). Сравнительный анализ позволил идентифицировать его как ручку от серебряного граненого сосуда, не замеченную грабителями.

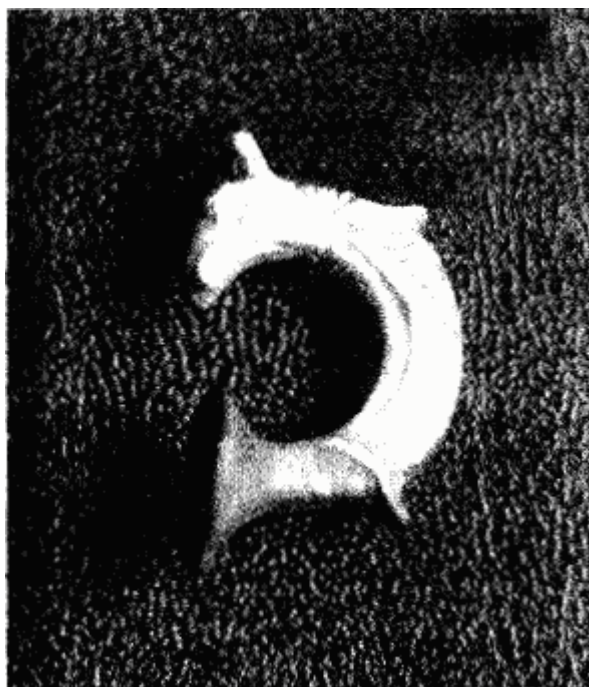

Рис. 1. Ручка от серебряного сосуда из кургана № 34
могильника
Маркелов Мыс II.

В научной литературе существует мнение, что в древнетюркскую эпоху в степной части территории Евразии были распространены три основных типа серебряных сосудов: кружки - сосуды с ручкой, округлым туловом на низком поддоне, уступчиком по плечикам и отогнутой в сторону горловиной; кувшинчики - с кольцевидной ручкой на бляхе или со щитком, округлым удлиненным туловом, плечиками, высоким прямым горлом и вертикально поставленным поддоном; кубки - сосуды с расширяющимся кверху туловом на конусовидном поддоне.

Средневековые мастера, судя по многочисленным находкам высокохудожественных ювелирных изделий, хорошо знали самые разнообразные приемы обработки драгоценных металлов. В частности, серебряные сосуды изготавливались по сложной технологии, которая включала в себя литье, проковку, чеканку и пайку различных частей сосуда (тулова, венчика, поддона, ручки), изготовленных по определенным моделям. В ряде случаев, как, например, на сосудах из Копенского чаатаса, применялся накладной орнамент. В местах соединения отдельных частей чаще всего и происходило его разрушение, как это и случилось с сосудами из Наинтэ-Суме и Маркелов Мыс II, ручки к которым припаивались.

Место крепления ручки из кургана № 34 - округлой формы, с ровной плоскостью. Это может свидетельствовать о том, что она припаивалась к такой же ровной поверхности тулова сосуда. Вероятно, в погребениях с Енисея и Толы вместе с умершими были помещены сосуды типа чарки. В археологических памятниках они

встречаются гораздо реже, чем остальные, вышеперечисленные типы, но, тем не менее, их можно отнести к отдельному типу столовой посуды древнетюркского времени. По форме чарка напоминает кубок, но имеет более низкий конический поддон, многогранное (либо округленное) тулово и венчик многоугольной формы. Наличие кольцевидной ручки сближает чарку с кружкой и кувшинчиком.

К настоящему времени известно два сосуда типа чарки с многоугольной формой венчика, происходящих с территории Среднего Енисея. Один из них был обнаружен в 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом в церковной ризнице Караульного острога на юге Красноярского края. Судя по опубликованному рисунку, у сосуда было округлое тулово, переходящее в восьмигранный венчик со слегка отогнутыми краями. Ручка кольцевидной формы имела небольшой язычок и горизонтальный щиток, украшенный зеркальным изображением бородатых мужчин в шлемах. [Смирнов, 1909, № 115].

Второй сосуд происходит из могильника "Над Поляной", расположенного недалеко от с. Батени на Енисее. В ходе его раскопок была найдена серебряная чарка с золоченым рисунком, высотой всего 6 см. У нее восьмигранное тулово, вытесненное по металлической форме из листа серебра. К нему припаян округлый поддон, рубчатая полая трубочка по верхнему краю венчика и ручка из узкой полоски серебра, согнутой в виде небольшого колечка. Ручка обломилась еще задолго до того, как сосуд попал в погребение; края излома были заглажены. Неповрежденным остался лишь горизонтальный щиток, украшенный изображением бабочки (или пчелы?). На восьми гранях чарки изображены четыре пары зеркально расположенных рисунков: фениксов, львов, ланей и животных, похожих на лисиц. [Гаврилова, 1968, рис. 6, 1,2; 7,1-4].

Могильник "Над Поляной" содержал погребения енисейских кыргызов и древнетюркские захоронения с конем. Большая часть из них оказалась ограбленной и осталось неясным, из какого именно погребения происходит утерянная в ходе грабительских раскопок чарка. Примечательно, что в одном из древнетюркских захоронений этого могильника найдены остатки пояса с серебряными тисненными украшениями, которые по своему составу и технологии изготовления весьма близки к поясным бляшкам, обнаруженным в погребении все того же кургана № 34 могильника Маркелов Мыс II.

Поиски аналогий уводят в Китай, где сосуды типа чарки были распространены в танское время. Но, как отметил шведский исследователь Б. О. Гилленсверд, прообразом для них послужили сасанидские сосуды, попавшие на восток по "шелковому пути" [Gyllensvard, 1957, s. 63, fig. 24, e, b, c].

В Средней Азии, являвшейся своеобразным мостом между Востоком и Западом, в VIII-IX вв. подобную форму имели согдийские глиняные чарки. Не исключено, что они имитировали серебряные сосуды. [Маршак, 1961, с. 197]. Граненые металлические чарки бытовали также и в Восточном Туркестане. Их изображения встречаются в живописных росписях ханского дворца в Идикутшари, относимого к IX в. А. А. Гаврилова считала, что чарка из могильника "Над Поляной" имеет уйгурское происхождение. По ее мнению, создание и оформление определенных канонических образов древнетюркского искусства вероятнее всего связано с теми районами, где встречались и переплетались китайские и центрально-азиатские культурные традиции. Возможно, одним из таких мест был Турфан - центр Уйгурского княжества [Гаврилова,

1968, с. 28]. Важным подтверждением этой гипотезы является уйгурская надпись на поддоне чарки, обнаруженной в могильнике "Над Поляной" [Щербак, 1968, с. 31-33].

К сожалению, мы лишены возможности детальной реконструкции сосудов из могильников Маркелов Мыс II и Наинтэ-Сумэ. Она во многом носит гипотетичный характер, поскольку опирается на отдельный, весьма важный, но все же лишь фрагмент сосудов - ручки. Также можно только предполагать, были ли на сосудах какие-либо изображения. Не исключено, что обнаруженный Г. И. Боровкой "венчик шестиугольной формы" на самом деле является поддоном. Сосуды из Караульного острога и могильника "Над Поляной" имели восьмиугольные венчики, что, на наш взгляд, с чисто эстетической точки зрения, придает им более "законченную" форму. В функциональном отношении они также являются более "удобными", чем сосуды с шестиугольными венчиками.

Другая характерная особенность сосудов, также реконструируемая, может быть связана с тем, что плоскость крепления ручки, в вертикальном направлении, проходит по линии передней части головы животного (рис. 1, 1, 3). Это позволяет предположить, что тулово сосуда под венчиком было несколько заужено, либо - ручка размещалась таким образом, что голова животного возвышалась над устьем и смотрела внутрь сосуда. Последнее предположение более предпочтительно и связано как с семантикой образа животного, изображенного в виде ручки, так и с известными аналогиями. В частности, Б. А. Литвинский отметил, что в некоторых случаях изображения металлических сосудов на рельефах в Персеполе имеют ручки, венчающиеся орлиноголовыми коневидными грифонами, которые возвышаются над устьем сосуда. [Литвинский, 1972, с.149].

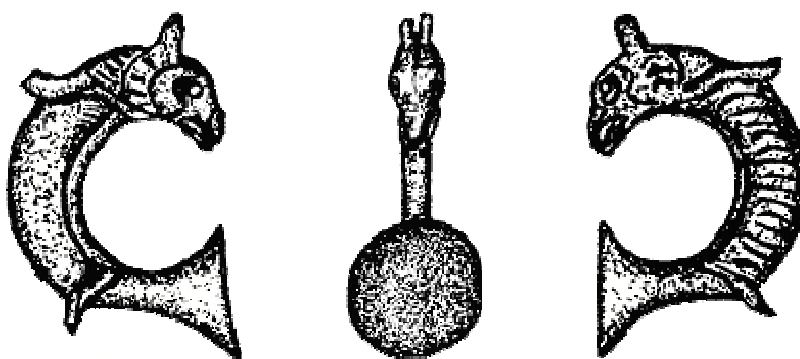
В скифское время деревянные сосуды часто украшались бронзовыми, серебряными и золотыми накладками в виде рельефных и скульптурных изображений драконов, оленей, львов, рыб и т.п. Как правило, ими покрывали ручки, венчики и верхнюю часть тулова. Ручки сосудов чаще всего изготавливались в виде фигурок птиц или их голов [Манцевич, 1962, рис. 1-6]. Традиция изготовления подобных сосудов сохранилась и в последующее время. Ручки от сосудов в виде фигурки волка, "вгрызающегося" в оленей, из Филипповского могильника и в виде фигурок кабанов, обнаруженные в сарматском погребении на Нижнем Поволжье, близки скифским и отличаются от них лишь более реалистичной манерой в изображении животных. [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, рис. 4]. Продолжение этой традиции можно проследить на территории Семиречья, где в памятниках карлукского периода встречаются глиняные сосуды типа кружек с наклепными ручками, стилизованными под головы баранов [Бернштам, 1952, с.152].

Изображения животных на ручках серебряных сосудов из погребений кургана № 34 могильника Маркелов Мыс II и Наинтэ-Сумэ можно интерпретировать как головы грифонов. И это сближает их с изображениями грифонов на сосудах с рельефов в Персеполе.

Средневековому "художнику" удалось передать образ грифона посредством целого ряда характерных и "узнаваемых" черт: длинной, закругленной, ребристой шеи; больших, подчеркнута выделенных ушей; хищно изогнутой носовой части, напоминающей клюв; глаза в виде выпуклой точки с запятеобразным углублением; пластично выделенной лобной части. Отдельные детали головы животного показаны с помощью глубоко врезанных скобок. На шее заметно стилизованное изображение

грула (либо гребня). Он, вместе с помещенным в конце шеи язычком для упора, позволяет более "надежно" держать небольшую по размерам ручку. Подобную деталь можно отметить на многих ручках сосудов, изготовленных в форме кольца. Особенно хорошо это заметно на одном из Копенских сосудов, небольшая ручка которого имеет выступ в виде соколиной головы [Евтюхова, 1948, рис. 71]

Ручка от сосуда, обнаруженная в погребении кургана № 34 могильника Маркелов Мыс II, отлита в литейной форме, состоящей из двух половинок. Они, как заметно при сравнении отдельных деталей изображения, не были зеркальными: различно выполнены упоры в нижней части, отсутствуют врезы на шее и усечено окончание грула на левой половине фигурки (рис. 2, 1).

*Рис. 2. Ручка от серебряного сосуда из кургана № 34
могильника
Маркелов Мыс II.*

Различия прослеживаются и в том, как были выполнены глаза и рот грифона. На правой половине - запятоеобразная форма глаза, а на левой она показана в виде округлой выпуклой точки со скобообразным веком, переходящим в заскульную скобу, по иному, чем на правой половине, подчеркивающей форму головы. Носовая часть на правой половине более выгнута и напоминает клюв хищной птицы, в то время как на левой переход ото лба к носу сглажен (рис. 2, 1-3). Клюв ни на той, ни на другой половине детально не проработан и включает в себя выпуклые губы, более характерные для животного, а не для птицы. К тому же, обе половины литейной формы были неточно подогнаны друг к другу, что проявилось в их смещении по вертикали. Это придало всей композиции дополнительную асимметрию. Одно ухо оказалось чуть выше другого. При литье они были соединены, а затем между ними был сделан пропил толщиной в 1 мм (рис. 2, 2). Форма для литья, очевидно, неоднократно использовалась и в некоторых местах имела нечеткий рисунок. После отливки он дополнительно не прорабатывался, убраны лишь литейные швы и абразивным инструментом слегка выровнено смещение по вертикали. Наличие ярко выраженных индивидуальных черт делает фигурки грифонов с Енисея и с Толы достаточно "узнаваемыми" и близкими к изображениям орлиноголовых "коневидных грифонов", получивших распространение в Средней Азии. Изобразительные приемы, использованные для передачи их образа, соответствуют основным канонам скифо-сибирского "звериного стиля" и, на мой взгляд, имеют определенную близость с художественными образами сарматской звериной орнаментации. На территории Южной Сибири образ грифона продолжал сохраняться в изобразительном искусстве в гунно-сарматское время, доказательством чему служат его изображения на деревянной бляхе и бронзовой пластине, найденных в таштыкских склепах Уйбатского чаатаса [Киселев, 1951, табл., XXXVIII, 4, 8].

Семантика грифона достаточно глубоко разработана в научной литературе, что освобождает от необходимости подробно останавливаться на ее анализе. В мифологических представлениях кочевого населения скифской эпохи грифон является фантастическим отражением реально существующих птиц - грифов. И гриф, и грифон относятся к существам хтоническим, питающимся падалью животных. Они связаны с нижним миром, с миром мертвых. Изображения грифонов в большом количестве присутствуют в погребальном инвентаре, украшают конскую упряжь и одежду погребенных [Погребова, 1948, с. 62].

Помещение изображения грифона на сосуде, на первый взгляд, не укладывается в традиционно сложившиеся представления. Это, казалось бы, противоречит семантике сосуда, означающего в культурных традициях практически всех народов мира освященное вместилище жизненных сил и живительного начала. Очевидно, что значение помещенного в могилу сосуда подчеркивалось и еще более усугублялось нанесенным на него рисунком. В мировоззрении тюркских народов с сосудом связаны "идеи сакральной чистоты и оплодотворения, рождения и манифестации существующих социальных отношений, приобщения к верховным божествам и космическим источникам жизни" [Традиционное мировоззрение тюрков Сибири, 1988, с. 134]. Помещение изображения грифона на сосуде может свидетельствовать о том, что это фантастическое существо обладает более широким семантическим полем и связано не только с нижним, но и с верхним миром, играя роль своеобразного медиатора между жизнью и смертью.

Одно из самых ранних его изображений встречается в композиции "истории козы" на золотом сосуде из могильника на горе Марлик в Иране [Луконин, 1987, с. 228]. В скифском кургане Кутургунтас глиняный сосуд был украшен кожаными аппликациями, изображающими грифов. Сосуд с прорисовкой изображения грифа обнаружен в погребении № 2 кургана 1 могильника Бертек-27. По мнению Н. В. Полосьмак, в его художественной передаче подчеркнута именно солярная ипостась и это вполне укладывается в русло Пазырыкской традиции [Полосьмак, 1994а, с. 139].

Б. А. Литвинский высказал предположение, что орлиноголовый "коневидный грифон", помещенный на сосуде, является иранским эквивалентом "символа" ашвинов - хранителей эликсира жизни, лекарств и напитков, божественных врачей, докторов богов, подателей юности, стражей бессмертия и процветания. В этом качестве он придает содержимому сосудов значение "божественного напитка", "эликсира жизни", подчеркивая и освящая целебный характер жидкости. [Литвинский, 1972, с. 148, 149].

Сложное по компонентам прикладное искусство древнетюркского времени, впитавшее в себя традиции "скифо-сибирского звериного" стиля, обладало мощной энергией и творческой силой, позволившей переработать в новые формы практически все древнейшие образы, подвергнув их реинтерпретации в соответствии с требованиями идеологических реалий жизни. При этом существенную роль сыграло культурное влияние не только иранского "запада", но и танского "востока". Не исключено, что на трактовку и восприятие образа грифона могли накладываться представления, связанные с другой фантастической птицей - фениксом, изображения которой получают в эпоху средневековья на территории "степного пояса Евразии" широкое распространение. Феникс имеет двойную природу, о чем говорит само ее название "фэнхуан", в котором отражены мужское и женское начало. Он

символизировал доброе начало, юг, тепло, плодородие. Наиболее ранние прототипы его изображений восходят к периоду Хань и шести династий. В эпоху Тан распространяется благожелательная символика птицы, означающая долголетие и супружеское счастье. Фениксов изображают бегущими, идущими или стоящими с приподнятыми или распахнутыми крыльями, с вытянутым хвостом из длинных перьев. Для средневековых кочевников они также могли быть символом счастливого благополучия. В стилистике их изображений (это особенно заметно на Копенских сосудах) можно отметить ряд не характерных для этой фантастической птицы особенностей: мощные лапы, ушастая голова с хищным клювом. Возможно, что изображениям фениксов придавались знакомые и хорошо узнаваемые черты грифонов.

Не меньшее влияние на трактовку образа могла оказать и другая, "местная" культурная традиция. Исследователи "скифо-сибирского звериного" искусства давно обратили внимание на наличие ряда "не птичьих" черт в изображениях грифонов, в частности, таких как крупные, подчеркнута выделенные уши и непропорционально большие глаза, идентичные по форме волчьим. Образ волка полиморфный по своему характеру. Он сочетает в себе черты как непосредственно волка, так и собаки, для которой, в свою очередь, близка и воздушная стихия [Кубарев, 1991, с. 155-159]. Связь волк - собака - птица отчетливо выражена в киргизской лексике: ит-куш - волк (ит - собака, куш - птица) [Абрамзон, 1990, с. 305]. В Средней Азии, наряду с орлиноголовым "коневидным грифоном", был распространен образ собаководного грифона. С последним связаны представления тюркских народов о крылатых собаках. Так, киргизы считали, что Кумай происходит от "снежного грифа". У хакасов сказочный Хубай-хус также был рожден от хищной птицы - грифа. Прототипом крылатых собак был один из самых распространенных персонажей иранской мифологии - Сенмурв-Паскундж, изображения, которого также встречаются на средневековых серебряных сосудах [Митько, 1989, с. 151-152]. В этой связи, достаточно интересной и убедительной представляется гипотеза о генетической преемственности между образом грифона и представлениями тюрков о женском божестве Умай, высказанная Д. В. Черемисиным. Неявно, на первый взгляд, выраженная между ними связь проявляется при анализе образа именно мифологической собако-птицы [Черемисин, 19976, с. 31-43].

В VIII-IX вв., вместе с появлением на территории степного пояса Евразии государственных образований, крупномасштабных военных походов и оживлением торговли, в кочевой среде получает широкое распространение столовая посуда из драгоценных металлов. Серебряные сосуды стали неременным атрибутом на пирах знати. Судя по состоянию тонких серебряных стенок кубков из аварских погребений, их наполняли жидкостью с высоким содержанием кислот [Сентпетери, 1985, с. 21].

Однако лишь утилитарным использованием значение серебряных сосудов не ограничивалось. Им отводилась важная роль в обряде "подношения кубка", истоки которого можно проследить в эпических сказаниях о пирах-возлияниях нартов [Дюмезиль, 1990, с. 173-181]. В эпоху средневековья этот обряд приобретает новое содержание. Угощение едой и напитками считалось знаком проявления высшего почета и уважения, а сосуды из драгоценных металлов стали излюбленным предметом подношения, причем не только живым, но и умершим. Об их использовании в поминально-погребальной обрядности свидетельствуют реалии на древнетюркских изваяниях, а также рунические надписи на серебряных сосудах: "Собирайся. Вкушай. Добрый герой Умсуг" (сосуд из Туяхты); "Испробуй (открой) свою долю... Амаш...

герой" (сосуд из Курая); "Мы воздали погребение и похоронили бега" ("бутылочка" из Копен); "Пей (вкушай) свою золотую трапезу" (сосуд из Копен) [Боровков, 1963, с. 192-195]. "Держа сверкающую чашу, я сполна (или: я Толыт) обрел счастье" (чарка из могильника Над Поляной) [Щербак, 1968, с. 33]. "Будь славен Сининлиг"; "Булунг живущий в Балыге, небо хозяин" (сосуд из петровской коллекции) [Мелиоранский, 1902, с. 20].

Несмотря на краткость и лаконизм надписей, их содержание позволяет говорить о ритуально-обрядовом характере употребления сосудов, сакральное значение которых усиливалось нанесенными на них изображениями реальных и фантастических животных и птиц. Образ грифона в культурной среде средневековых кочевников следует, очевидно, считать своеобразной реминисценцией, позволяющей определить характер и особенности ирано-тюркских связей в области мифологии. В этом амбивалентном по своему характеру образе переплетались фрагменты мифологем об "ашвинах", освящающих содержимое сосудов, сказочной собако-птице и, во многом трансформированных, представлений о богине Умай, являющейся одним из центральных персонажей древнетюркского пантеона.

Работа выполнена по гранту РГНФ № 98-01-00338.